

Т.О. Чиникеев*, К.Н. Макашева*

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: talgatch@gmail.com

МАЛЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК АКТОРЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРИМЕРЕ СИНГАПУРА

Статья посвящена теоретическому и эмпирическому анализу малых государств как самостоятельных акторов современной мировой политики. Исходной проблемой выступает несоответствие между ограниченностью материальных ресурсов и способностью отдельных малых государств сохранять международную агентность и добиваться селективного внешнеполитического влияния. Теоретическая рамка соединяет структурные объяснения международной уязвимости, институциональные подходы и специализированные концепции стратегий малых государств. Исследование выполнено как качественный разбор одного случая Сингапура с элементами process tracing; источниковая база включает официальные документы и выступления руководства Сингапура, материалы ООН, ASEAN и государственных ведомств, статистику, мемуары, публичные интервью и научную литературу на английском и русском языках. На эмпирическом уровне анализируются ASEAN, Forum of Small States, Five Power Defence Arrangements, эволюция P4–CPTPP, участие сингапурских дипломатов в переговорах по UNCLOS и BBNJ, цифровые соглашения и политика в условиях конкуренции США и КНР. Результаты показывают, что самостоятельность Сингапура прослеживается шире, чем его собственно влияние: наиболее убедительные случаи последнего связаны с коалиционным строительством, ранним участием в формировании торговых правил и специализированным институциональным доступом. Малость остается структурным ограничением, но не является достаточным предиктором международной незначительности.

Ключевые слова: малые государства, Сингапур, международная агентность, внешнеполитическое влияние, функциональная значимость.

T.O. Chinikeyev*, K.N. Makasheva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: talgatch@gmail.com

Small States as Actors of Global Politics: Mechanisms of Formation and Implementation of International Influence – The Case of Singapore

The article examines small states as autonomous actors in contemporary world politics and addresses the gap between limited material capabilities and the ability of some small states to preserve international agency and exercise selective influence. The theoretical framework combines structural explanations of vulnerability, institutional approaches, and specialized theories of small-state strategy. Methodologically, the study is a qualitative single-case analysis of Singapore with elements of process tracing. The source base includes official documents and speeches, materials from the United Nations, ASEAN and Singaporean government agencies, official statistics, memoirs, published interviews, and academic literature in English and Russian. The empirical analysis covers ASEAN, the Forum of Small States, the Five Power Defence Arrangements, the evolution from P4 to CPTPP, Singaporean diplomatic participation in UNCLOS and BBNJ negotiations, digital-economy agreements, and Singapore's strategy amid United States–China competition. The findings show that Singapore's international agency is more extensive than its demonstrable influence: the strongest evidence of influence concerns coalition-building, early participation in trade-rule formation, and specialized institutional access. Small size remains a structural constraint but is not a sufficient predictor of international insignificance.

Keywords: small states, Singapore, international agency, foreign-policy influence, functional relevance.

Т.О. Чиникеев*, К.Н. Макашева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: talgatch@gmail.com

**Шағын мемлекеттер әлемдік саясат акторлары ретінде:
Сингапур мысалында халықаралық ықпалды қалыптастыру
және іске асыру тетіктері**

Мақала қазіргі әлемдік саясаттағы шағын мемлекеттердің дербес акторлар ретіндегі рөлін теориялық және эмпирикалық тұрғыдан талдайды. Негізгі мәселе материалдық ресурстардың шектеулілігі мен кейбір шағын мемлекеттердің халықаралық агенттілікті сақтап, жекелеген салаларда сыртқы саяси ықпалға қол жеткізу қабілеті арасындағы алшақтыққа байланысты. Теориялық негіз құрылымдық осалдықты түсіндіретін тәсілдерді, институционалдық түсіндірулерді және шағын мемлекеттердің стратегиялық мінез-құлқына арналған арнайы тұжырымдамаларды біріктіреді. Зерттеу Сингапурдың бір жағдайын сапалық талдау және process tracing элементтері негізінде жүргізілді. Дереккөздерге ресми құжаттар мен саяси сөздер, БҰҰ, ASEAN және мемлекеттік органдар материалдары, статистика, мемуарлар, жария сұхбаттар және ағылшын әрі орыс тілдеріндегі ғылыми әдебиет енгізілді. Эмпирикалық бөлімде ASEAN, Forum of Small States, Five Power Defence Arrangements, P4–CPTPP эволюциясы, UNCLOS және BBNJ келіссөздеріндегі сингапурлық дипломаттардың рөлі, цифрлық келісімдер және АҚШ–ҚХР бәсекелестігі жағдайындағы саясат қарастырылады. Нәтижелер Сингапурдың халықаралық агенттілігі оның тікелей ықпалынан кеңірек екенін көрсетеді; ықпалдың ең сенімді мысалдары коалициялық құрылыс, сауда ережелерін бастапқы қалыптастыру және мамандандырылған институционалдық қолжетімділікпен байланысты. Шағындық құрылымдық шектеу болып қала береді, бірақ халықаралық маңызсыздықтың жеткілікті көрсеткіші емес.

Түйін сөздер: шағын мемлекеттер, Сингапур, халықаралық агенттік, сыртқы саяси ықпал, функционалдық маңыздылық.

Введение

В начале XX века предельно малые государства нередко оказывались на периферии сравнительного анализа именно из-за своих физических масштабов. Небольшая территория, ограниченное население и слабая ресурсная база воспринимались не только как характеристика размера, но и как косвенное свидетельство ограниченной международной значимости. В результате малость могла становиться основанием для аналитической маргинализации государства еще до оценки его реального поведения. Для современного исследования такой подход недостаточен. Физический масштаб действительно задает ограничения, однако сам по себе ничего не говорит о способности государства действовать самостоятельно, участвовать в выработке правил или добиваться значимых результатов в отдельных сферах. Поэтому малость следует рассматривать как исходное структурное условие, а не как готовый вывод о международной роли государства.

Подобная связь между размером и политической значимостью была характерна не только для политической публицистики начала XX в. Значительная часть классической теории международных отношений формировалась вокруг

поведения великих держав, баланса сил, союзов и способности крупных акторов изменять структуру международной системы. В реалистской традиции международная политика прежде всего рассматривалась как борьба за власть и выживание, а материальные ресурсы – территория, население, экономика, вооруженные силы – как фундаментальные источники возможностей государства (Morgenthau, 1948; Waltz, 1979). В таком аналитическом поле малые государства легко превращались в объекты давления, периферийных союзников или адаптирующихся участников порядка, произведенного более сильными акторами.

Тем не менее уже исследования Annette Baker Fox и Robert O. Keohane показали, что ограниченный размер не тождественен отсутствию стратегии. Fox (1959), анализируя дипломатию малых европейских государств во Второй мировой войне, выявила способность слабых акторов использовать дипломатический маневр, нейтралитет и конкуренцию великих держав. Keohane (1969) сделал следующий концептуальный шаг. В статье «Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics» он предложил классифицировать государства не только по объему ресурсов, но и по способности воздействовать на международную систему. Тем самым «малость»

стала реляционной характеристикой: важен не абсолютный размер, а соотношение возможностей государства и той структуры, внутри которой оно действует.

После окончания холодной войны проблема стала еще более актуальной. Суверенное равенство в международных организациях, распространение региональных институтов, рост экономической взаимозависимости, формирование глобальных финансовых и технологических сетей, развитие международного права и появление новых областей нормотворчества расширили набор ресурсов, доступных государствам, не обладающим крупным военным потенциалом. В результате отдельные малые страны приобрели способность влиять на международные процессы в сферах, где размер территории или армии перестает быть единственным критерием значимости. Современные small-state studies поэтому все чаще рассматривают малость одновременно как материальное ограничение, положение в асимметричных отношениях и социально конструируемую категорию (Baldacchino & Wivel, 2020; Новикова, 2022; Барабаш, 2023; Песцов, 2016). Новейшие исследования подтверждают, что в условиях ослабления основанного на правилах порядка малые государства не только сохраняют уязвимость, но и меняют внешнеполитические роли, активнее используя институциональные, коалиционные и репутационные ресурсы (Loh, 2023; Michalski et al., 2024; Fritzler et al., 2025; Wijaya et al., 2025).

Сингапур представляет особенно продуктивный случай для проверки этой логики. В 2025 г. население страны составляло около 6,11 млн человек, причем численность резидентов – около 4,20 млн (Singapore Department of Statistics, 2025). Государство обладает минимальной стратегической глубиной, ограниченной ресурсной базой и высокой зависимостью от внешней торговли и морских коммуникаций. Одновременно Сингапур входит в число наиболее интегрированных в мировую экономику государств, обладает развитым финансовым и логистическим сектором, активно участвует в ASEAN, многосторонних торговых режимах, международном праве и дипломатии малых государств. Таким образом, кейс позволяет анализировать несоответствие между физической малостью и функциональной международной значимостью.

Сингапурская внешнеполитическая риторика примечательна тем, что сама категория малости в ней меняет содержание. В лекции 2009 г.

Ли Куан Ю рассуждал прежде всего языком выживания: малое государство имеет мало возможностей изменить региональную среду, поэтому должно расширять круг партнеров и одновременно сохранять свободу оставаться суверенным (Lee, 2009). В лекции Ли Сянь Луна 2015 г. тот же мотив уже помещен в иной контекст: речь идет не столько о физическом выживании, сколько о способности проводить собственную линию при растущей экономической взаимозависимости и конкуренции крупных держав (Lee, 2015). У Лоуренса Вонга в 2025 г. акцент смещается еще раз: сохранение самостоятельности связывается с укреплением ASEAN, международного права, человеческого капитала и сети партнерств (Wong, 2025). Эта эволюция важна: официальная доктрина не просто повторяет один и тот же тезис о «малости», а расширяет набор инструментов, посредством которых государство пытается управлять ею.

На этом фоне вопрос о том, «играют ли малые государства роль», представляется слишком общим. Гораздо содержательнее выяснить, почему сходные ограничения приводят к различным внешнеполитическим результатам и где проходит граница между самостоятельностью, заметностью и собственно влиянием. Сингапур удобен для такой проверки именно потому, что его часто приводят как доказательство успешности малых государств, хотя часть этой успешности может объясняться географией, богатством или исключительной административной способностью, а не особой внешнеполитической моделью.

Рабочая гипотеза сформулирована осторожно: ограниченный размер сужает материальные возможности, но не предрешает степень международной самостоятельности. Предполагается, что институциональная включенность, диверсификация внешних связей, специализированная дипломатическая компетентность и экономическая взаимозависимость могут расширять пространство действия малого государства. Вопрос о том, превращаются ли эти преимущества во влияние, проверяется отдельно по конкретным эпизодам, а не принимается как исходное предположение.

Обзор литературы и теоретическая рамка

Проблема определения малого государства

Научная литература не выработала единого количественного критерия малого государства. В качестве порогов используются население,

площадь территории, ВВП, военные расходы или сочетание нескольких показателей. Однако ни один из них не универсален. Сингапур, Люксембург, Катар и Эстония демонстрируют, что небольшая демографическая база может сочетаться с высокой финансовой, энергетической, технологической или институциональной значимостью. В противоположном направлении государство с большей территорией и населением может обладать ограниченной внешнеполитической автономией вследствие слабых институтов или критической зависимости от одного партнера.

Baehr (1975) скептически относился к аналитической ценности категории *small state*, если она строится на произвольном количественном пороге: одинаковая численность населения еще не говорит о сходстве возможностей. Keohane (1969) предложил иной ход – классифицировать государства по их способности воздействовать на международную систему. Его решение сильнее чисто демографического подхода, но оно создает новую проблему: если критерием остается изменение системы в целом, почти все малые государства оказываются в одном аналитическом классе, хотя их роль в отдельных институтах и секторах заметно различается. На эту неоднородность позднее указывают Годфри Балдаккино и Андерс Вивел (Baldacchino & Wivel, 2020). В их интерпретации малость государства не сводится к одному количественному показателю. Она определяется одновременно объемом материальных возможностей, местом государства в системе международных связей и тем, как его положение воспринимается другими участниками.

В данной статье малое государство рассматривается как суверенный субъект международных отношений, чьи демографические и материальные возможности ограничивают способность самостоятельно воздействовать на структуру международной системы. Однако такие ограничения не исключают самостоятельного внешнеполитического поведения и возможности добиваться результатов в отдельных сферах. В связи с этим необходимо различать три понятия: размер, агентность и влияние. Размер характеризует имеющуюся ресурсную базу государства. Агентность отражает его способность самостоятельно формулировать интересы, принимать решения и проводить выбранный внешнеполитический курс. О влиянии можно говорить в тех случаях, когда действия государства приводят к изменению позиции другого участника, содер-

жания конкретного решения или правил международного взаимодействия.

Реалистские объяснения малости

С позиций реализма положение малого государства прежде всего определяется ограниченностью ресурсов, которыми оно может располагать в условиях прямого силового давления. Ганс Моргентау (Morgenthau) связывал международные возможности государства с совокупностью элементов национальной мощи, а Кеннет Уолтц (Waltz, 1979) рассматривал распределение возможностей как одну из ключевых характеристик структуры международной системы. Для малых государств эта логика имеет вполне конкретные последствия. Дипломатическая активность и качество внешнеполитического управления способны расширять пространство маневра, но не устраняют дефицит территории, военного потенциала и экономической автономии, особенно когда речь идет о базовых вопросах безопасности. Политика Сингапура в этой сфере подтверждает существование подобных ограничений. Значительные расходы на оборону, участие в Five Power Defence Arrangements (FPDA) и развитие устойчивых связей с внешними партнерами показывают, что руководство страны не рассматривает дипломатические инструменты как замену материальным возможностям.

Вместе с тем структурный подход не позволяет полностью объяснить различия в поведении государств, находящихся в сходном положении. На это обращает внимание Мириам Элман (Elman, 1995), рассматривая внешнюю политику малых государств как один из проблемных случаев для неореалистского объяснения. Внешняя среда может создавать сопоставимые ограничения, однако реакция на них заметно различается. Поэтому значение приобретают внутренние институты, механизмы принятия решений и способность государства выстраивать долгосрочную стратегию в условиях внешнего давления. В случае Сингапура геополитическое положение хорошо объясняет постоянную потребность в адаптации к окружающей среде, но само по себе не объясняет выбор конкретных инструментов. Открытая экономическая модель, активное участие в многосторонних институтах и последовательное развитие международно-правовой экспертизы являются результатом политического выбора, а не автоматическим следствием географической уязвимости.

Поэтому сингапурский случай трудно использовать как простое опровержение или под-

тверждение реализма. Реалистская логика заметна в самой исходной самооценке государства: руководство последовательно исходит из хрупкости международного порядка, ограниченной стратегической глубины и риска оказаться среди первых проигравших при переходе к политике силы. Но создание FOSS, ранняя активность в торговом нормотворчестве и накопление правовой экспертизы не следуют автоматически из этого диагноза. Реализм убедительно фиксирует источник давления; гораздо меньше он говорит о том, почему ответом становится именно институциональная активность, а не зависимость от одного покровителя, нейтралитет или более пассивное приспособление.

Институты, взаимозависимость и международное общество

Институционализм предлагает более благоприятный взгляд на положение слабого участника. В логике Keohane (1984) повторяемость взаимодействий, процедуры и правила снижают часть транзакционных издержек и делают возможными коалиции, которые трудно воспроизвести в чисто двусторонней асимметрии. Но применительно к малым государствам этот тезис требует оговорок. Юридический доступ к ООН, ASEAN или другому институту создает площадку действия; он ничего не говорит о том, будут ли предпочтения малого участника отражены в решении. Формальное равенство голосов и реальное влияние – разные аналитические состояния.

Сингапур интересен как раз там, где институциональное участие выходит за пределы членства. Председательства, экспертные роли, неформальные коалиции и торговые инициативы дают материал для анализа того, как процедурный доступ используется на практике. При этом причинность нельзя заранее приписывать самому институту. Успешное использование институциональных возможностей может отражать высокую административную способность Сингапура, качество дипломатической службы или накопленную репутацию. Если эту альтернативу убрать, институты начинают объяснять успех лишь потому, что успешный участник активно ими пользуется.

Комплексная взаимозависимость добавляет к этому сетевое измерение (Keohane & Nye, 1977). Для государства с небольшим внутренним рынком значение может определяться не масштабом собственной экономики, а местом в трансграничных потоках. Портовая инфраструктура,

финансы, авиация, инвестиционные и цифровые сервисы включают Сингапур в экономические связи, значительно превосходящие его территориальный размер. Однако такая встроенность не является односторонним активом. Чем больше благосостояние зависит от открытых маршрутов, международных расчетов и предсказуемых правил, тем выше цена их нарушения.

Эта обратная сторона связанности особенно отчетливо проявляется в аргументе Farrell and Newman (2019) о *weaponized interdependence*. Асимметричные сети способны не только распределять выгоды, но и превращать контроль над ключевыми узлами в инструмент наблюдения и принуждения. Однако применительно к Сингапуру было бы неточно связывать такую уязвимость с вынесением ядра финансовой инфраструктуры за пределы национальной юрисдикции. Ключевые расчетные и рыночные узлы остаются встроенными в сингапурский регуляторный контур: MEPS+, системно значимая RTGS-система для расчетов в сингапурских долларах и по государственным ценным бумагам – принадлежит и управляется Monetary Authority of Singapore; SGX и связанные с ней клиринговые и депозитарные структуры имеют статус одобренных MAS инфраструктур финансового рынка (Monetary Authority of Singapore, 2025, 2026). Следовательно, внешняя зависимость Сингапура возникает не из отсутствия контроля над национальным финансовым ядром, а из включенности этого ядра в трансграничные платежные, технологические и информационные сети.

Более показательное цифровое измерение этой зависимости. Ограниченность территории и ресурсов не побуждает Сингапур к инфраструктурной автаркии; напротив, он сочетает внутренний регуляторный контроль с региональным распределением части вычислительных, телекоммуникационных и резервных мощностей. Развитие связанного с Сингапуром цифрового кластера Batam–Bintan–Karimun иллюстрирует такую логику: в июле 2026 г. правительства Сингапура и Индонезии подтвердили курс на развитие BKK как цифрового хаба, а кабель Nongsā–Changi добавил более 1,6 петабит/с пропускной способности при задержке менее 2 мс между Batam и Singapore (Ministry of Trade and Industry Singapore, 2026). Здесь трансграничность является не простым признаком зависимости, а сознательно формируемой архитектурой связанности.

Для анализа малых государств поэтому необходимо различать территориальный, регуляторный и сетевой контроль над инфраструктурой. Сингапур не стремится физически локализовать все элементы критических сетей внутри ограниченной территории; его стратегия состоит в сохранении национального контроля над наиболее значимыми расчетными, правовыми и управленческими узлами при одновременном использовании распределенной региональной инфраструктуры. Такая конфигурация одновременно увеличивает функциональную значимость государства и сохраняет уязвимость перед внешними санкциями, технологическими ограничениями, сбоями трансграничных сетей и фрагментацией стандартов. В терминах *weaponized interdependence* принципиален поэтому не сам факт зарубежного размещения отдельных мощностей, а то, кто контролирует узлы, правила доступа и критические интерфейсы сети.

Аргументы Английской школы позволяют увидеть еще одну сторону этой проблемы. Международное общество не устраняет фактическое неравенство государств, но право, дипломатические процедуры и взаимное признание меняют условия, в которых проявляется силовая асимметрия. Для Сингапура поддержка *rules-based order* в таком прочтении не сводится к нормативной декларации. Это институциональная среда, в которой цена прямого принуждения выше, а возможности малых государств ссылаться на общие правила шире. Чем сильнее порядок приближается к логике «*might makes right*», тем меньшую защитную ценность имеют эти механизмы и тем уже пространство самостоятельного выбора.

Идентичность, внешняя опора и стратегии адаптации

Конструктивистская перспектива полезна не потому, что позволяет заменить материальные ограничения дискурсом, а потому, что показывает, как сама категория малости становится частью внешнеполитической идентичности. В сингапурском политическом дискурсе определения *small state* и «*little red dot*» используются как напоминание об ограниченности ресурсов и уязвимости страны. Они подчеркивают необходимость дисциплины, предсказуемости и постоянного участия во внешних связях. Однако одной репутации надежного партнера для этого недостаточно. Она приобретает политическое значение лишь тогда, когда опирается на эффективные государственные институты, профессиональную

бюрократию, развитую инфраструктуру и достаточные ресурсы. Поэтому идентичность малого государства сама по себе не создает переговорного преимущества, а скорее помогает организовать и легитимировать определенный тип внешнеполитического поведения.

Для объяснения устойчивости малых государств полезна также теория внешней опоры (*shelter theory*). Бальдур Тоурхалльссон (Thorhallsson, 2011), продолжая дискуссию, связанную с работами Питера Катценштейна (Katzenstein, 1985), исходит из того, что внутренних механизмов адаптации может оказаться недостаточно перед крупными внешними потрясениями. Однако сингапурский опыт плохо укладывается в модель зависимости от одного внешнего источника поддержки. В сфере безопасности страна сочетает собственный оборонный потенциал, участие в FPDA и отношения с несколькими партнерами. Экономическая устойчивость обеспечивается доступом к различным рынкам и соглашениям, а политическая опора строится через ASEAN, ООН и международное право. В данном случае важнее не наличие одного «убежища», а распределение внешней поддержки между несколькими каналами. Такая диверсификация позволяет снизить риск чрезмерной зависимости от одного центра силы.

Концепция нишевой дипломатии (*niche diplomacy*) также объясняет лишь часть сингапурской стратегии. Эндрю Купер (Cooper, 1997) связывал ее с концентрацией ограниченных ресурсов государства на сравнительно узких направлениях, где оно способно приобрести дополнительную компетентность и политический вес. Применительно к Сингапуру это объяснение требует уточнения. Его внешнеполитическая специализация не ограничивается одной сферой. Торговые режимы, морское право, цифровое регулирование, логистика и региональная дипломатия образуют несколько взаимосвязанных направлений. Поэтому сингапурский опыт показывает скорее сочетание нескольких специализаций, чем концентрацию ресурсов в одной дипломатической нише. Важен также их взаимодополняющий характер: компетенции, приобретенные в одной сфере, могут повышать востребованность государства в другой.

Осторожности требует и использование понятия *hedging*. Чэн-Чви Куик (Kuik, 2008) применял его при анализе поведения Малайзии и Сингапура в условиях усиления Китая, показывая, что их стратегии не укладываются в простой

выбор между балансированием и присоединением к более сильной стороне. Вместе с тем чрезмерно широкое использование этого понятия снижает его объяснительную ценность. Если hedging обозначает практически любое поведение, при котором государство избегает жесткого выбора между конкурирующими центрами силы, становится трудно отличить его от обычной диверсификации внешних связей. Поэтому в настоящем исследовании это понятие целесообразно использовать только тогда, когда одновременно присутствуют взаимодействие с конкурирующими державами, меры по снижению риска зависимости и сознательное сохранение альтернативных внешнеполитических каналов. В настоящем исследовании термин сохраняется только для ситуаций, где одновременно наблюдаются взаимодействие с конкурирующими центрами силы, страхование от неблагоприятного изменения среды и намеренное сохранение альтернативных каналов.

Материалы и методы исследования

Исследование построено как качественный анализ одного случая с использованием элементов «process tracing» и направлено на проверку предполагаемого причинного механизма. Сингапур выбран не потому, что его обычно относят к числу «успешных» малых государств. Важнее другое: данный случай трудно объяснить исключительно через материальные показатели. Крайне небольшая территория и ограниченная демографическая база сочетаются здесь с высокой международной активностью и заметной ролью в отдельных институтах (George & Bennett, 2005).

Такой выбор требует учитывать риск ретроспективного объяснения. Когда итог развития Сингапура уже известен, практически любую особенность его политической системы или внешней политики можно представить как причину достигнутого успеха. Поэтому каждый эмпирический эпизод рассматривается отдельно. Сначала определяется интерес Сингапура и фиксируются предпринятые действия. Затем анализируются реакция партнеров и полученный результат, после чего проверяются возможные альтернативные объяснения. Если источники позволяют установить только самостоятельность внешнеполитического поведения, такой эпизод рассматривается как проявление агентности, но не как доказательство влияния.

В качестве независимой переменной рассматривается структурная малость. Она оценивается через совокупность нескольких характеристик: ограниченную численность населения, размеры территории и стратегическую глубину, сравнительно небольшой внутренний рынок, ограниченность собственной ресурсной базы и неспособность государства самостоятельно изменять глобальное распределение силы. Структурная уязвимость выступает промежуточной переменной. Она проявляется в сфере безопасности, зависимости от внешних рынков и транспортных маршрутов, потребности во внешних ресурсах, а также в чувствительности к правилам, которые во многом формируются более сильными участниками международных отношений.

Международная агентность понимается как способность государства самостоятельно формулировать свои предпочтения, выбирать между доступными вариантами действий, выдвигать инициативы и сохранять пространство для маневра в условиях асимметрии. Влияние предполагается более строгий критерий. О нем можно говорить только тогда, когда действия государства приводят к наблюдаемому изменению поведения другого участника, содержания принятого решения или правил конкретного института. Такое разграничение позволяет не отождествлять международную активность с реальным воздействием на результат.

Для оценки масштаба влияния выделяются три уровня. Системное влияние связано с распределением силы и основными правилами мирового порядка. Возможности Сингапура на этом уровне изначально ограничены. Институциональное влияние проявляется в участии в формировании процедур, коалиций и правил внутри конкретных международных организаций. Функциональное влияние относится к отдельным сферам, в которых специализация и накопленная компетентность способны усиливать переговорные позиции государства. Такое разграничение позволяет точнее определить значение достигнутого результата и не переносить успех в отдельной сфере на международную систему в целом.

Источниковая база сформирована по принципу триангуляции. Первую группу составляют официальные документы, парламентские ответы и выступления представителей Министерства иностранных дел и Министерства обороны Сингапура. Вторая группа включает документы ООН, АСЕАН и государственных органов, от-

вечающих за торговую политику. Третью составляют статистические материалы Департамента статистики Сингапура и данные международных экономических баз. В четвертую входят мемуары Ли Куан Ю и опубликованные выступления политического руководства Сингапура. Пятая группа представлена научной литературой по теории международных отношений, small-state studies и внешней политике Сингапура. Публичные интервью и стенограммы используются как первичные источники при анализе стратегического дискурса. Собственные экспертные интервью в рамках данного исследования не проводились.

Альтернативные объяснения заранее не исключаются. При анализе учитываются географическое положение Сингапура, уровень экономического развития, качество государственных институтов, заинтересованность великих держав и региональная среда АСЕАН. Каждый из этих факторов может самостоятельно влиять на наблюдаемый результат. Поэтому наличие предполагаемого причинного механизма устанавливается только там, где последовательность событий и имеющиеся источники позволяют. Если международная значимость Сингапура объясняется исключительно положением у Малаккского пролива или богатством, то аргумент о стратегической конвертации оказывается слабее. Поэтому задача состоит не в отрицании этих факторов, а в установлении того, каким образом они превращаются – или не превращаются – в политический результат.

Теоретическая дискуссия и исследовательский пробел

Сопоставление этих подходов показывает не столько конкуренцию законченных теорий, сколько разделение объяснительной работы. Waltz позволяет установить структурный ис-

точник уязвимости; Elman обращает внимание на вариативность национальных ответов; Keohane – на институциональные возможности, возникающие внутри асимметричной системы; Thorhallsson – на пределы внутренней автономии; Kuik – на управление зависимостями в условиях соперничества крупных держав. Ни один из этих подходов, взятый отдельно, не отвечает на главный эмпирический вопрос статьи: в какой момент ресурс, доступ или репутация перестают быть просто предпосылкой действия и дают наблюдаемый внешнеполитический результат.

Именно на этом переходе литература о малых государствах остается методологически неоднородной. Международная заметность, участие в организациях, наличие дипломатической ниши и даже посредническая роль нередко интерпретируются как влияние без отдельной проверки того, что именно изменилось вследствие действий данного государства. В результате категория влияния становится слишком широкой. В этой статье агентность, доступ к процедуре и изменение результата рассматриваются раздельно; экономическая центральность или институциональная включенность сами по себе не засчитываются как доказательство воздействия.

Эмпирическая проверка поэтому строится не вокруг предположения о наличии у Сингапура особого вида «силы», а вокруг последовательности наблюдаемых связей. Структурная малость задает уязвимости; политический ответ формирует набор внешнеполитических практик; часть этих практик делает государство востребованным в конкретных функциях. Влияние фиксируется только там, где можно проследить дальнейший переход – от ресурса и доступа к процедуре к изменению решения, правила или поведения участников. Такое построение оставляет возможность получить как подтверждающие, так и отрицательные результаты.

Таблица 1

Теоретические подходы к анализу малых государств

Подход	Объяснительная сила	Ограничение	Применение к Сингапуру
Реализм / неореализм	Уязвимость, безопасность, баланс сил	Слабо объясняет вариативность стратегий	Оборона, риск принуждения, силовая асимметрия
Либеральный институционализм	Правила, коалиции, снижение двусторонней асимметрии	Членство не равно влиянию	ASEAN, ООН, FOSS, торговые режимы
Конструктивизм	Идентичность, репутация, роли	Риск недооценки материальных ограничений	Малость как стратегическая идентичность

Продолжение таблицы

Подход	Объяснительная сила	Ограничение	Применение к Сингапуру
Теория внешней опоры (shelter theory)	Внешняя опора и жизнеспособность	Может переоценивать зависимость от одного центра	Распределенная внешняя опора
Нишевая дипломатия	Функциональная специализация	Одна ниша не объясняет портфельную стратегию	Торговля, морское право, цифровые правила
Хеджирование	Управление конкурирующими зависимостями	Концептуальная инфляция термина	Стратегия США–КНР

Примечание Составлено автором на основе Keohane (1969), Elman (1995), Thorhallsson (2011), Baldacchino and Wivel (2020), Kuik (2008).

Результаты и обсуждение

Формирование сингапурской стратегии

В августе 1965 г. независимость Сингапура сопровождалась неопределенностью, которую позднейший экономический успех легко заслоняет. У государства не было стратегической глубины и значительной ресурсной базы, а региональная среда оставалась напряженной. Ли Куан Ю в мемуарах описывал этот период языком выживания; в лекции 2009 г. тот же опыт был уже превращен в доктринальный тезис о малых странах, которые имеют мало возможностей изменить мир и потому должны расширять круг партнеров (Lee, 2000; Lee, 2009). Важно, что поздний текст не является простым воспоминанием: он ретроспективно систематизирует ранние решения и потому одновременно ценен как источник стратегической культуры и ограничен как источник о мотивах 1960-х гг.

Сопоставление речей 2009, 2015 и 2025 гг. показывает не только преемственность, но и изменение проблематики. Ли Куан Ю исходил из физической уязвимости и необходимости оставаться релевантным. Ли Сянь Лун переносил акцент на способность делать выбор и удерживать собственные убеждения в более сложной взаимозависимой среде. Лоуренс Вонг уже говорит о фрагментации мирового порядка, ASEAN, международном праве и наращивании человеческого и институционального капитала (Lee, 2009; Lee, 2015; Wong, 2025). Поэтому современную сингапурскую стратегию нельзя свести к неизменной доктрине основателей: инструменты расширялись по мере изменения внешней среды.

В сфере безопасности Сингапур избегал двух крайностей – нейтрализма без достаточной собственной обороны и полной передачи безопасности единственному покровителю. Национальные вооруженные силы развивались па-

раллельно с Five Power Defence Arrangements. FPDA, созданные в 1971 г., предусматривают консультации в случае угрозы или вооруженной агрессии против Малайзии или Сингапура (Ministry of Defence Singapore, 2021). Но этот пример плохо укладывается в простую схему «малое государство ищет защитника»: механизм не содержит автоматической гарантии обороны и работает скорее как дополнительный слой сдерживания и институционализированного взаимодействия.

Экономическая стратегия столь же неоднозначна. Сингапур не уменьшал внешнюю зависимость, а углублял ее через торговлю, инвестиции и логистику. Это усиливало чувствительность к внешним кризисам одновременно с ростом экономической значимости страны. Поэтому взаимозависимость здесь нельзя трактовать односторонне как ресурс влияния: один и тот же механизм увеличивает и переговорную ценность, и уязвимость перед фрагментацией мировой экономики.

ACEAN и FOSS

Для Сингапура ASEAN имеет значение прежде всего как постоянная региональная среда, в которой двусторонняя асимметрия частично переводится в процедурный формат. Доступ к повестке, регулярность консультаций и консенсус дают малым участникам больше возможностей быть услышанными, чем чистая силовая иерархия. Но эти же особенности ограничивают свободу маневра наиболее активных членов. Разнородность интересов и нежелание передавать полномочия наднациональному центру означают, что высокая дипломатическая активность Сингапура далеко не всегда может быть отделена от коллективного результата ASEAN.

Интерпретация Acharya (2014), связывающая устойчивость ASEAN с нормами и практиками

регионального взаимодействия, помогает понять эту двойственность. Процедурная культура организации действительно снижает значение прямого материального превосходства в повседневной дипломатии. Однако она одновременно затрудняет национальную атрибуцию результатов. Если правило или компромисс возникает из длительно воспроизводимой коллективной практики, приписывать его одному государству только на основании активности его дипломатов методологически рискованно. ASEAN в данном случае лучше свидетельствует об институционально расширенной агентности, чем о постоянном национальном контроле над итогами.

FOSS дает иной тип материала. Здесь роль Сингапура прослеживается от самого создания площадки: в 1992 г. он вместе с Барбадосом и Кабо-Верде инициировал Forum of Small States, который к 2026 г. объединял 108 государств (Ministry of Foreign Affairs Singapore, 2026). Для анализа важен не столько масштаб сети, сколько участие Сингапура в ее институциональном воспроизводстве. В отличие от ASEAN, где государство действует внутри уже сложившегося регионального порядка, FOSS показывает способность малого государства выступать организатором коалиционной инфраструктуры.

Но сеть сама по себе не равна политической поддержке. FOSS не принимает обязательных решений, а членство более ста государств не создает автоматического голосующего блока. То, что можно установить достаточно уверенно, – снижение издержек координации, регулярный канал контактов и центральную организационную роль Сингапура. Гораздо труднее доказать, что эта позиция систематически меняла голосование государств или содержание конкретных резолюций. Поэтому FOSS является сильным примером коалиционного предпринимательства, но более слабым доказательством прямого влияния на конечные решения.

Торговые и правовые режимы

История Р4 дает один из наиболее содержательных эпизодов, поскольку позволяет наблюдать не только участие Сингапура в уже существующем институте, но и раннюю фазу формирования торгового режима. При этом национальная версия происхождения соглашения должна сопоставляться с независимыми реконструкциями. Р4 создавался Брунеем, Чили, Новой Зеландией и Сингапуром; Groser (2024) особо выделяет раннее новозеландско-синга-

пурское взаимодействие, а Elms (2016) рассматривает соглашение как эксперимент небольшой группы открытых экономик, впоследствии ставший основой более широких переговоров. Материалы Ministry of Trade and Industry Singapore (2019) закономерно сильнее акцентируют сингапурский вклад. В совокупности источники подтверждают роль Сингапура среди инициаторов, но не дают оснований превращать коллективное происхождение режима в национальную историю успеха.

Политическое значение Р4 состоит именно в возможности раннего институционального экспериментирования. Компактная группа открытых экономик могла согласовать набор правил при сравнительно низких переговорных издержках и без очевидного доминирования одной крупной державы. Когда такой прототип становится отправной точкой для расширения, первоначальные участники влияют на траекторию будущего режима через уже созданную институциональную основу. Это не означает сохранения контроля после масштабирования: по мере включения крупных экономик содержание соглашения становится результатом гораздо более сложного торга. В случае Р4–CPTPP речь поэтому идет о влиянии на стартовую архитектуру, а не об авторстве последующего режима целиком.

DEPA позволяет проверить, повторяется ли эта логика в цифровом регулировании. Сингапур, Чили и Новая Зеландия действительно создали ранний специализированный формат цифрового соглашения, тем самым показав способность небольших экономик быстрее тестировать новые правила. Однако регуляторный эффект здесь пока нельзя приравнивать к эффекту Р4. Само по себе то, что Сингапур оказался среди первых участников разработки новых правил, еще не говорит о том, что эти правила впоследствии будут приняты крупнейшими рынками. Тем более это не означает, что сравнительно небольшой по экономическому масштабу формат автоматически приобретает широкое регуляторное влияние. В этом смысле DEPA разумнее рассматривать прежде всего как площадку, где отдельные подходы и нормы проходят апробацию. Чтобы говорить о более широком воздействии, нужны уже отдельные доказательства их последующего распространения и заимствования.

В морском праве ситуация иная. Для Сингапура свобода судоходства имеет не отвлеченное, а прямое экономическое значение. Поэтому развитие правовой и переговорной компетентности

на этом направлении носило вполне прикладной характер. Со временем это дало сингапурским дипломатам заметные позиции в международных переговорах. Томми Кох возглавлял заключительный этап Третьей конференции ООН по морскому праву, а Рена Ли была избрана председателем Межправительственной конференции по BBNJ (United Nations, n.d.). Сам факт таких назначений, особенно если они повторяются, трудно объяснить только формальным участием Сингапура в международных организациях. Здесь явно присутствует и фактор профессиональной репутации.

Но именно в этом месте важно не смешивать репутацию, процессуальную роль и влияние на содержание нормы. Председатель многосторонних переговоров действует в рамках процедуры и не может открыто продвигать национальную позицию как представитель собственной страны. Кроме того, итоговый текст складывается из компромисса большого числа участников. Поэтому высокая роль сингапурских дипломатов в таких переговорах показывает признание их компетентности, доверие к ним как к посредникам и устойчивый доступ к процессу. Однако этого недостаточно, чтобы утверждать, что итоговые нормы отражают предпочтения Сингапура. Опыт UNCLOS и BBNJ как раз показывает, что малое государство может находиться в центре переговорного процесса и при этом не определять его конечное содержание.

Сингапур между США и Китаем

Соперничество США и Китая ставит Сингапур в значительно более сложное положение, чем участие в многосторонних торговых или правовых форматах. Здесь он имеет дело с двумя державами, чьи ресурсы и возможности несопоставимы с его собственными. При этом зависимости от них распределены неравномерно. В вопросах безопасности Сингапур гораздо теснее связан с США, тогда как Китай занимает исключительно важное место в его внешнеэкономических связях. Именно поэтому поведение страны трудно свести к привычной дилемме между балансированием и присоединением к одной из сторон.

Чэн-Чви Куик (Cheng-Chwee Kuik) использует понятие **hedging** для описания стратегии, при которой государство сохраняет отношения с конкурирующими центрами силы и одновременно старается ограничить риски чрезмерной

зависимости от любого из них (Kuik, 2008). Для анализа политики Сингапура этот подход действительно полезен, но только при достаточно узком понимании самого термина. Если относиться к **hedging** практически любую осторожную или многовекторную политику, его объяснительная ценность заметно снижается. В сингапурском случае речь идет не о равноудаленности от США и Китая. В сфере безопасности американское направление явно имеет больший вес. Однако Сингапур избегает ситуации, при которой более тесные отношения с одним центром автоматически закрывали бы возможности сотрудничества с другим.

С этой точки зрения рассматриваемый случай значительно лучше подтверждает международную агентность Сингапура, чем его влияние на поведение великих держав. Страна способна проводить собственную линию и не сводить внешнюю политику к жесткому выбору одного стратегического лагеря, хотя пространство для такого маневра постепенно сужается. Но сам факт сохранения самостоятельности еще не означает влияния. Чтобы говорить о нем, необходимо показать, что действия Сингапура действительно повлияли на существенные решения Вашингтона или Пекина. В имеющемся материале такого основания нет. Скорее видно другое: международная востребованность и широкая сеть связей помогают Сингапуру защищать собственную свободу действий, но не дают ему возможности заметно определять политику США или Китая.

Особенно хорошо пределы этой стратегии проявляются по мере того, как торговые и технологические связи все сильнее включаются в американо-китайское соперничество. Финансы, технологии, цепочки поставок и доступ к рынкам все чаще приобретают стратегическое значение. В результате взаимозависимость перестает быть только источником дополнительных возможностей. При определенных условиях она сама становится каналом давления. Для Сингапура поэтому важен уже не просто широкий круг партнеров, а возможность продолжать пользоваться альтернативными связями, если между конкурирующими центрами начинают формироваться несовместимые технологические стандарты, торговые ограничения или режимы доступа. Чем глубже становится такая фрагментация, тем труднее поддерживать прежний уровень внешнеполитической гибкости.

Альтернативные объяснения

Наиболее сильный вызов причинной интерпретации связан с географией. Положение у ключевых морских маршрутов не было создано внешней политикой, и было бы неверно выводить всю международную востребованность Сингапура из сознательной стратегии. Однако местоположение также не тождественно логистической центральности. Превращение географического преимущества в устойчивый транспортный, финансовый и сервисный узел требует инфраструктуры, регулирования и институциональной надежности. Поэтому география выступает исходным условием, тогда как политически значимым является способ ее капитализации.

Богатство создает вторую проблему. Развитая экономика позволяет финансировать профессиональную дипломатическую службу, экспертизу и международные инициативы; одновременно внешнеполитическая стабильность и открытость поддерживают саму экономическую модель. Разорвать эту взаимную причинность на материале одного случая невозможно. Следовательно, финансовые и административные ресурсы следует рассматривать не как фон, который можно вынести за скобки, а как часть механизма, конкурирующую с более узким объяснением через дипломатическую стратегию.

Еще серьезнее альтернатива, связанная с государственной способностью. В логике Elman различия во внутренних институтах могут объяснять, почему одинаковое структурное давление приводит к несходным внешнеполитическим реакциям. Сингапур дает этой интерпретации значительную поддержку: профессиональная бюрократия, способность к долгосрочному планированию и согласованность политики потенциально объясняют больше, чем сама категория «малого государства». Если это так, малость задает проблему, но качество государства определяет, насколько эффективно она будет управляться. Материал статьи не позволяет устранить это объяснение и потому должен сохранять его как полноценного конкурента.

Есть и временное ограничение. Сингапурская стратегия складывалась в международной среде, где открытая торговля, глобализация производства и институционализация в целом расширились. При протекционизме, технологическом разделении и политизации цепочек поставок узловая экономика сталкивается с иным набором издержек. Это делает механизм исторически условным: его эффективность зависит

не только от качеств самого государства, но и от того, насколько международный порядок допускает использование взаимозависимости как ресурса, а не превращает ее преимущественно в источник давления.

Наконец, обращение к soft power объясняет лишь ограниченную часть материала. Репутация эффективного управления действительно повышает привлекательность Сингапура, однако в рассмотренных кейсах партнеры часто взаимодействуют с ним не потому, что стремятся ему подражать, а потому, что он выполняет практические функции – торговые, логистические, правовые, финансовые или посреднические. Для анализа это различие существенно. Привлекательность и полезность могут усиливать друг друга, но они основаны на разных механизмах и не должны без необходимости объединяться в одну широкую категорию.

Что именно конвертируется во влияние?

Рассмотренные эпизоды позволяют уточнить, что именно находится между ресурсной обеспеченностью малого государства и внешнеполитическим результатом. В наиболее убедительных случаях Сингапур оказывается востребован не абстрактно, а благодаря конкретной функции: он организует коалиционную сеть, участвует в разработке торгового прототипа, предоставляет признанную переговорную экспертизу или связывает экономические пространства. Эту промежуточную характеристику целесообразно обозначить как функциональную значимость. Она описывает внешнюю востребованность определенной компетенции или позиции, а не самостоятельный запас силы.

Именно различия между кейсами показывают предел этого понятия. FOSS создает инфраструктуру координации, но не дает обязательной власти; председательство в BBNJ обеспечивает доступ и доверие, но требует нейтральности; диверсифицированные отношения с США и Китаем поддерживают пространство выбора, не превращаясь в способность управлять их соперничеством. Политическое воздействие становится наблюдаемым только там, где востребованный ресурс включен в процедуру, способную связать его с решением: коалицию, соглашение, председательство, механизм региональной организации. Такой интерфейс можно описать как институциональный канал конвертации, не приписывая ему статус самостоятельной общей теории.

В таком прочтении сингапурская стратегия выглядит менее цельной и одновременно более реалистичной. Она складывалась исторически из практик диверсификации, накопления специализированной компетентности и поиска площадок, где эта компетентность приобретала внешнюю ценность. Выражение «производство международной востребованности» может служить кратким обозначением этого процесса только при одном условии: востребованность не должна подменять влияние. Она повышает вероятность доступа, участия и сотрудничества; переход к изменению результата требует дополнительного причинного звена.

Такое разграничение не предполагает иерархии стратегий малых государств. Внешняя защита, узкая нишевая специализация и сочетание нескольких функций являются различными ответами на неодинаковые условия, а не последовательными стадиями развития. Сингапур относится к случаям портфельной функциональной специализации, но его конфигурация не может автоматически считаться универсальной моделью. Ее объяснительная ценность определяется тем, насколько тот же механизм обнаруживается за пределами благоприятного сингапурского сочетания ресурсов и институтов.

Таблица 2

Проверка международной агентности и влияния Сингапура по ключевым кейсам

Кейс	Ресурс	Интерфейс	Наблюдаемый результат	Наиболее сильный тип воздействия	Ограничение
FOSS	Коалиционная дипломатия	Неформальная сеть при ООН	Устойчивая координация 108 малых государств	Коалиционное строительство	Нет обязательной власти
P4-CPTPP	Торговая экспертиза	Многостороннее соглашение	Институциональный прототип и масштабирование	Формирование повестки / правил	Коллективное авторство режима
UNCLOS / BBNJ	Правовая и переговорная экспертиза	Председательство	Процессуальное лидерство и посредничество	Переговорное посредничество	Председатель не проводник национальной позиции
ASEAN	Институциональная компетентность	Региональная организация	Вклад в региональные правила и архитектуру	Институциональное влияние	Консенсус ограничивает контроль
США-KHP	Диверсифицированные связи	Двусторонние и региональные каналы	Сохранение пространства выбора	Международная субъектность	Низкое системное влияние
DEPA	Регуляторная компетентность	Цифровое соглашение	Пилотирование новых правил	Экспериментальное нормотворчество	Небольшой рынок ограничивает регуляторную силу

Примечание: Оценка отражает различие между международной агентностью, институциональным влиянием и системной силой; составлено автором.

Сравнительные контрасты

Для проверки того, насколько выявленный механизм специфичен именно для Сингапура, полезно сопоставить его с несколькими малыми государствами, использующими иные ресурсные комбинации. Такое сравнение не превращает исследование в полноценный comparative case study и не претендует на причинную эквивалентность, но позволяет уточнить границы переносимости понятий функциональной значимости и международной востребованности. В качестве

контрастных примеров особенно показательны Катар, Люксембург и Эстония: каждый из них демонстрирует способ превращения ограниченного масштаба в специализированный международный ресурс.

Катар представляет ресурсно-посреднический вариант малой державы: международная агентность опирается на энергетический экспорт, инвестиционный капитал, медиаресурсы и дипломатическое посредничество. Этот контраст показывает, что функциональная значи-

мость может возникать не только из сетевой экономики, но и из контроля над дефицитным материальным ресурсом. Одновременно региональные кризисы демонстрируют, что такая значимость не устраняет уязвимость.

Люксембург демонстрирует институционально-финансовый вариант. Глубокая встроенность в Европейский союз и развитый финансовый сектор создают международную роль, несопоставимую с его территорией и населением. Здесь внешняя опора и агентность не противопоставлены: институциональная среда одновременно защищает государство и дает ему каналы участия в принятии решений.

Эстония представляет нормативно-технологический контраст. Компетентность в цифровом управлении и кибербезопасности позволяет конвертировать внутренние институциональные инновации в международную экспертизу. Этот пример подтверждает, что в новых функциональных доменах человеческий капитал и регуляторная способность могут частично уменьшать значение физического масштаба.

Сравнение не дает основания говорить о единой формуле малой державы. Катар использует энергетические и посреднические ресурсы, Люксембург – финансовую и европейскую институциональную среду, Эстония – цифровую и кибернетическую компетентность. Общим остается лишь одно: размер сам по себе плохо предсказывает результат. Но даже этот вывод не означает, что выявленный в Сингапуре механизм одинаково переносим на другие случаи; его проверка требует полноценного сравнительного исследования.

Теоретические следствия

Эмпирика не поддерживает линейную связь между малостью, уязвимостью и политической незначительностью. Уязвимость действительно ограничивает набор допустимых решений, но ее политические последствия зависят от качества ответа. Инвестиции в институты, специализацию и диверсификацию могут увеличить число доступных внешнеполитических опций, хотя сама по себе активная стратегия еще не свидетельствует об успешности. Этот вывод одинаково ограничивает как жестко структурные интерпретации, так и чрезмерно оптимистические представления об агентности малых государств.

Полезнее говорить о компенсации отдельных последствий малости, а не о ее преодолении. Сингапур может уменьшать цену ограни-

ченной стратегической глубины, но не способен ее устранить; энергетические и финансовые ресурсы Катара не снимают региональные риски; технологическая компетентность Эстонии не отменяет зависимости от более широкой европейской архитектуры безопасности. В каждом случае стратегия меняет конфигурацию уязвимостей и доступных ответов, а не переводит государство в иную структурную категорию.

Аналогичная осторожность необходима при оценке влияния. Было бы неправильно требовать от малого государства способности менять общую стратегию великой державы. Такой критерий слишком завышен и практически заранее исключает возможность зафиксировать влияние. Но и простая международная заметность мало что дает для анализа, поскольку сама по себе не показывает, повлияло ли государство на конкретный результат. Поэтому в данном исследовании влияние оценивается на более ограниченном уровне: можно ли связать действия малого государства с изменением определенного решения, правила или поведения других участников. Такой подход позволяет сравнивать разные сферы без предположения, что влияние должно проявляться в них одинаково.

Сингапур хорошо показывает, насколько различными могут быть такие результаты. В случае Р4 и последующего СРТРР можно говорить об участии в раннем формировании торговой архитектуры. FOSS показывает способность Сингапура объединять государства вокруг общей дипломатической инициативы. Опыт UNCLOS и BBNJ, напротив, прежде всего свидетельствует о высоком доверии к сингапурским дипломатам и их роли в переговорном процессе. Доказать, что именно Сингапур определял содержание итоговых норм, здесь значительно труднее.

Еще иначе выглядит соперничество США и Китая. В этом случае основной результат сингапурской стратегии состоит не в способности изменить поведение Вашингтона или Пекина, а в сохранении собственной свободы действий между ними. Поэтому сингапурский пример интересен не как очередное подтверждение тезиса об «успешном малом государстве». Гораздо важнее то, что он позволяет увидеть пределы влияния: в одних сферах Сингапур способен участвовать в формировании правил или коалиций, в других его возможности ограничиваются сохранением автономии и доступом к переговорному процессу.

Заключение

Рассмотрение Сингапура не дает оснований ни для возвращения к представлению о малых государствах как политически второстепенных участниках, ни для противоположного вывода, будто взаимозависимость сделала размер несущественным. Материальные ограничения наиболее отчетливо проявляются в безопасности и в вопросах системного распределения силы. В других сферах их эффект зависит от того, какие внешние связи государство формирует, какие компетенции накапливает и через какие процедуры пытается превратить их в политический результат.

В этом смысле сингапурская практика вполне совместима с реалистским тезисом об уязвимости, но не исчерпывается им. Ограниченная стратегическая глубина и зависимость от внешней среды постоянно присутствуют в официальной внешнеполитической логике. Вместе с тем различия в способах адаптации подтверждают значение замечания Elman: структура не определяет единственную линию поведения. Административная способность, институциональный выбор и качество внешнеполитической стратегии оказываются необходимой частью объяснения того, почему одни и те же ограничения дают различные результаты.

Результаты по отдельным кейсам намеренно не сводятся к общему показателю «успеха». Наиболее убедительное свидетельство влияния дает P4–CPTPP, где прослеживается участие Сингапура в ранней архитектуре правил. FOSS лучше демонстрирует коалиционное предпринимательство и создание инфраструктуры взаимодействия. В UNCLOS и BBNJ надежнее говорить о правовой экспертизе, доверии и процессуальном доступе, чем о продвижении национальных предпочтений. Американо-китайское соперничество, в свою очередь, показывает высокую степень внешнеполитической самостоятельности при крайне ограниченных основаниях говорить о воздействии на стратегию великих держав.

Из этого различия следует основной теоретический результат статьи. Между обладанием специализированным ресурсом и доказанным влиянием находятся как минимум две отдельные стадии: внешняя востребованность ресурса и доступ к процедуре, в которой он может приобрести политическое значение. Функциональная значимость относится к первой; институцио-

нальный канал конвертации – ко второй. Только наблюдаемый эффект на решение, правило или поведение позволяет говорить о влиянии в строгом смысле. Такое разграничение препятствует автоматическому выводу влияния из богатства, сетевой центральности, репутации или самого факта членства в международной организации.

Функциональную значимость не следует рассматривать как еще одно обозначение силы. Речь идет о более ограниченной ситуации, когда определенная функция государства оказывается востребованной другими участниками и за счет этого расширяет его доступ к сотрудничеству, переговорам или международным институтам. Но сама востребованность еще не гарантирует нужного политического результата. Сингапур может занимать заметное место в определенной сфере, быть удобным партнером или посредником и при этом не добиваться принятия собственной позиции. Это различие важно сохранить, иначе практически любой пример международной активности малого государства можно будет трактовать как свидетельство влияния.

В то же время сингапурский опыт нельзя без существенных оговорок переносить на другие малые государства. Географическое положение, высокий уровень экономического развития, качество государственного управления, длительная ориентация на внешнюю торговлю и институциональная среда АСЕАН образуют достаточно специфическое сочетание. В других условиях отдельные элементы этой стратегии могут работать иначе или вовсе не давать сопоставимого результата. Дополнительную проблему создает изменение самой международной среды. Рост протекционизма, технологическое размежевание и все более политизированная взаимозависимость сокращают пространство, в котором открытость и широкая сеть внешних связей прежде давали преимущество. Поэтому дальнейшая проверка требует сравнения с государствами, которые не располагают частью сингапурских преимуществ. Именно такое сопоставление позволит понять, какие элементы выявленного механизма имеют более общее значение, а какие остаются особенностью одного случая.

Для современного исследования проблема состоит уже в другом. Небольшая территория, ограниченное население и скромная ресурсная база действительно сужают возможности государства, но из этого еще не следует его политическая незначительность. Сингапур показывает,

что структурная малость совместима с самостоятельной внешней политикой и ограниченным, но вполне наблюдаемым влиянием в отдельных институциональных и функциональных сферах. В других областях те же ограничения сохра-

няются значительно жестче. Поэтому размер, агентность и влияние необходимо рассматривать отдельно: между ними существует связь, но одно из этих свойств не может автоматически выводиться из другого.

Литература

- Барабаш, Б. А. (2023). Современные малые государства: подходы к операционализации, классификации и уровни комплексного анализа. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 45, 101–117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.45.101>
- Новикова, И. Н. (2022). Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 15(3), 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
- Песцов, С. К. (2016). Малые государства в системе современных международных отношений: стратегия Сингапура. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, (3), 24–38.
- Acharya, A. (2014). *Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order* (3rd ed.). Routledge.
- Baehr, P. R. (1975). Small states: A tool for analysis? *World Politics*, 27(3), 456–466. <https://doi.org/10.2307/2010129>
- Baldacchino, G., & Wivel, A. (2020). Small states: Concepts and theories. In G. Baldacchino & A. Wivel (Eds.), *Handbook on the politics of small states* (pp. 2–19). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781788112932.00007>
- Cooper, A. F. (Ed.). (1997). *Niche diplomacy: Middle powers after the Cold War*. Macmillan.
- Elman, M. F. (1995). The foreign policies of small states: Challenging neorealism in its own backyard. *British Journal of Political Science*, 25(2), 171–217. <https://doi.org/10.1017/S0007123400007146>
- Elms, D. (2016). The origins and evolution of TPP trade negotiations. In S. Basu Das & M. Kawai (Eds.), *Trade regionalism in the Asia-Pacific: Developments and future challenges* (pp. 29–49). ISEAS–Yusof Ishak Institute.
- Farrell, H., & Newman, A. L. (2019). Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*, 44(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Fox, A. B. (1959). *The power of small states: Diplomacy in World War II*. University of Chicago Press.
- Fritzler, J., Grøn, C. H., & Wivel, A. (2025). Leadership styles and international agenda-setting: Understanding small-state and middle-power leadership on the Responsibility to Protect. *Foreign Policy Analysis*, 21(3), oraf006. <https://doi.org/10.1093/fpa/oraf006>
- George, A. L., & Bennett, A. (2005). *Case studies and theory development in the social sciences*. MIT Press.
- Groser, T. (2024). Small state diplomacy in action: The real origins of TPP. *World Trade Review*, 23(2), 257–265. <https://doi.org/10.1017/S1474745623000459>
- Katzenstein, P. J. (1985). *Small states in world markets: Industrial policy in Europe*. Cornell University Press.
- Keohane, R. O. (1969). Lilliputians' dilemmas: Small states in international politics. *International Organization*, 23(2), 291–310. <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Keohane, R. O. (1984). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. Princeton University Press.
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (1977). *Power and interdependence: World politics in transition*. Little, Brown.
- Kuik, C.-C. (2008). The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China. *Contemporary Southeast Asia*, 30(2), 159–185. <https://doi.org/10.1355/CS30-2A>
- Lee, H. L. (2015, November 27). *Choice and conviction: The foreign policy of a little red dot* [S. Rajaratnam Lecture]. Ministry of Foreign Affairs Singapore. <https://www.mfa.gov.sg/newsroom/press-statements-transcripts-and-photos/2015-s-rajaratnam-lecture-by-prime-minister-lee-hsien-loong-choice-and-conviction--the-foreign-polic-28-nov-2015/>
- Lee, K. Y. (2000). *From Third World to First: The Singapore story, 1965–2000*. HarperCollins.
- Lee, K. Y. (2009, April 9). *The fundamentals of Singapore's foreign policy: Then and now* [S. Rajaratnam Lecture]. Ministry of Foreign Affairs Singapore. <https://www.mfa.gov.sg/newsroom/press-statements-transcripts-and-photos/speech-by-minister-mentor-lky-at-the-s-raj-lecture-at-shangri-la-hotel-on-thursday-9-april-2009-09-apr-2009/>
- Loh, D. M. H. (2023). Singapore's conception of the liberal international order as a small state. *International Affairs*, 99(4), 1499–1518. <https://doi.org/10.1093/ia/iad161>
- Michalski, A., Brommesson, D., & Ekengren, A.-M. (2024). Small states and the dilemma of geopolitics: Role change in Finland and Sweden. *International Affairs*, 100(1), 139–157. <https://doi.org/10.1093/ia/iad244>
- Ministry of Defence Singapore. (2021, November 2). *Written reply by Minister for Defence Dr Ng Eng Hen to parliamentary question on the relevance and significance of the Five Power Defence Arrangements on its 50th anniversary and the recent conclusion of its Exercise Bersama Gold 2021*. https://www.mindef.gov.sg/news-and-events/latest-releases/02nov21_pq/
- Ministry of Foreign Affairs Singapore. (2026, March 17). *Small states*. <https://www.mfa.gov.sg/about-mfa/international-issues/small-states/>

- Ministry of Trade and Industry Singapore. (2019, October 23). *Speech by Minister S Iswaran at the FTA Symposium 2019: Free trade agreements: 20 years of global enterprise*. <https://www.mti.gov.sg/newsroom/speech-by-minister-s-iswaran-at-the-fta-symposium-2019--free-trade-agreements--20-years-of-global-enterprise/>
- Ministry of Trade and Industry Singapore. (2026, July 20). *Speech by Deputy Prime Minister and Minister for Trade and Industry Gan Kim Yong at the Nongsa–Changi submarine cable landing ceremony*. <https://www.mti.gov.sg/newsroom/speech-by-deputy-prime-minister-and-minister-for-trade-and-industry-gan-kim-yong-at-the-nongsa-changi-submarine-cable-landing-ceremony/>
- Monetary Authority of Singapore. (2025). *Offering circular: Singapore Government Securities (Infrastructure)*. <https://www.mas.gov.sg/-/media/mas/sgr/sgrs-announcements-pdf/bonds-pdf/green-sgrs-infrastructure-and-syndication/offering-circular.pdf>
- Monetary Authority of Singapore. (2026). *Financial institutions directory: Singapore Exchange and approved clearing houses*. <https://eservices.mas.gov.sg/fid/>
- Morgenthau, H. J. (1948). *Politics among nations: The struggle for power and peace*. Alfred A. Knopf.
- Singapore Department of Statistics. (2025, September 28). *Population trends, 2025*. <https://www.singstat.gov.sg/publication-resources/population-trends-2025>
- Thorhallsson, B. (2011). Domestic buffer versus external shelter: Viability of small states in the new globalised economy. *European Political Science*, 10(3), 324–336. <https://doi.org/10.1057/eps.2011.29>
- United Nations. (n.d.). *Officers: Intergovernmental Conference on Marine Biodiversity of Areas Beyond National Jurisdiction*. <https://www.un.org/bbnj/en/content/officers>
- Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Addison-Wesley.
- Wijaya, T., Liao, J. C., Baik, E., & Katada, S. N. (2025). Pivotal power of small states to save the international liberal economic order: The case from East Asia. *The Pacific Review*, 38(2), 285–316. <https://doi.org/10.1080/09512748.2024.2369700>
- Wong, L. (2025, April 16). *A safe harbour in a turbulent world* [S. Rajaratnam Lecture]. Ministry of Foreign Affairs Singapore. <https://www.mfa.gov.sg/newsroom/press-statements-transcripts-and-photos/s-rajaratnam-lecture-pm-wong-2025-16-apr-2025/>

References

- Acharya, A. (2014). *Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order* (3rd ed.). Routledge.
- Baehr, P. R. (1975). Small states: A tool for analysis? *World Politics*, 27(3), 456–466. <https://doi.org/10.2307/2010129>
- Baldacchino, G., & Wivel, A. (2020). Small states: Concepts and theories. In G. Baldacchino & A. Wivel (Eds.), *Handbook on the politics of small states* (pp. 2–19). Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781788112932.00007>
- Barabash, B. A. (2023). Sovremennye malye gosudarstva: podkhody k operatsionalizatsii, klassifikatsii i urovni kompleksnogo analiza [Modern small states: Approaches to operationalization, classification, and levels of comprehensive analysis]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 45, 101–117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.45.101>
- Cooper, A. F. (Ed.). (1997). *Niche diplomacy: Middle powers after the Cold War*. Macmillan.
- Elman, M. F. (1995). The foreign policies of small states: Challenging neorealism in its own backyard. *British Journal of Political Science*, 25(2), 171–217. <https://doi.org/10.1017/S0007123400007146>
- Elms, D. (2016). The origins and evolution of TPP trade negotiations. In S. Basu Das & M. Kawai (Eds.), *Trade regionalism in the Asia-Pacific: Developments and future challenges* (pp. 29–49). ISEAS–Yusof Ishak Institute.
- Farrell, H., & Newman, A. L. (2019). Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*, 44(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Fox, A. B. (1959). *The power of small states: Diplomacy in World War II*. University of Chicago Press.
- Fritzler, J., Grøn, C. H., & Wivel, A. (2025). Leadership styles and international agenda-setting: Understanding small-state and middle-power leadership on the Responsibility to Protect. *Foreign Policy Analysis*, 21(3), oraf006. <https://doi.org/10.1093/fpa/oraf006>
- George, A. L., & Bennett, A. (2005). *Case studies and theory development in the social sciences*. MIT Press.
- Groser, T. (2024). Small state diplomacy in action: The real origins of TPP. *World Trade Review*, 23(2), 257–265. <https://doi.org/10.1017/S1474745623000459>
- Katzenstein, P. J. (1985). *Small states in world markets: Industrial policy in Europe*. Cornell University Press.
- Keohane, R. O. (1969). Lilliputians' dilemmas: Small states in international politics. *International Organization*, 23(2), 291–310. <https://doi.org/10.1017/S002081830003160X>
- Keohane, R. O. (1984). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. Princeton University Press.
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (1977). *Power and interdependence: World politics in transition*. Little, Brown.
- Kuik, C.-C. (2008). The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China. *Contemporary Southeast Asia*, 30(2), 159–185. <https://doi.org/10.1355/CS30-2A>
- Lee, H. L. (2015, November 27). *Choice and conviction: The foreign policy of a little red dot* [Speech]. Ministry of Foreign Affairs Singapore. <https://www.mfa.gov.sg/newsroom/press-statements-transcripts-and-photos/2015-s-rajaratnam-lecture-by-prime-minister-lee-hsien-loong-choice-and-conviction--the-foreign-polic-28-nov-2015/>
- Lee, K. Y. (2000). *From Third World to First: The Singapore story, 1965–2000*. HarperCollins.
- Lee, K. Y. (2009, April 9). *The fundamentals of Singapore's foreign policy: Then and now* [Speech]. Ministry of Foreign Affairs Singapore. <https://www.mfa.gov.sg/newsroom/press-statements-transcripts-and-photos/speech-by-minister-mentor-lky-at-the-s-raj-lecture-at-shangri-la-hotel-on-thursday-9-april-2009-09-apr-2009/>

- Loh, D. M. H. (2023). Singapore's conception of the liberal international order as a small state. *International Affairs*, 99(4), 1499–1518. <https://doi.org/10.1093/ia/iad161>
- Michalski, A., Brommesson, D., & Ekengren, A.-M. (2024). Small states and the dilemma of geopolitics: Role change in Finland and Sweden. *International Affairs*, 100(1), 139–157. <https://doi.org/10.1093/ia/iad244>
- Ministry of Defence Singapore. (2021, November 2). *Written reply by Minister for Defence Dr Ng Eng Hen to parliamentary question on the relevance and significance of the Five Power Defence Arrangements on its 50th anniversary and the recent conclusion of its Exercise Bersama Gold 2021*. https://www.mindef.gov.sg/news-and-events/latest-releases/02nov21_pq/
- Ministry of Foreign Affairs Singapore. (2026, March 17). *Small states*. <https://www.mfa.gov.sg/about-mfa/international-issues/small-states/>
- Ministry of Trade and Industry Singapore. (2019, October 23). *Speech by Minister S Iswaran at the FTA Symposium 2019: Free trade agreements: 20 years of global enterprise*. <https://www.mti.gov.sg/newsroom/speech-by-minister-s-iswaran-at-the-fta-symposium-2019--free-trade-agreements--20-years-of-global-enterprise/>
- Ministry of Trade and Industry Singapore. (2026, July 20). *Speech by Deputy Prime Minister and Minister for Trade and Industry Gan Kim Yong at the Nongsa–Changi submarine cable landing ceremony*. <https://www.mti.gov.sg/newsroom/speech-by-deputy-prime-minister-and-minister-for-trade-and-industry-gan-kim-yong-at-the-nongsa-changi-submarine-cable-landing-ceremony/>
- Monetary Authority of Singapore. (2025). *Offering circular: Singapore Government Securities (Infrastructure)*. <https://www.mas.gov.sg/-/media/mas/sgs/sgs-announcements-pdf/bonds-pdf/green-sgs-infrastructure-and-syndication/offering-circular.pdf>
- Monetary Authority of Singapore. (2026). *Financial institutions directory: Singapore Exchange and approved clearing houses*. <https://eservices.mas.gov.sg/fid/>
- Morgenthau, H. J. (1948). *Politics among nations: The struggle for power and peace*. Alfred A. Knopf.
- Novikova, I. N. (2022). *Malые strany v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: nekotorye teoreticheskie aspekty* [Small states in international relations: Some theoretical aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 15(3), 219–242. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
- Pestsov, S. K. (2016). *Malые gosudarstva v sisteme sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii: strategiya Singapura* [Small states in the system of contemporary international relations: Singapore's strategy]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*, (3), 24–38.
- Singapore Department of Statistics. (2025, September 28). *Population trends, 2025*. <https://www.singstat.gov.sg/publication-resources/population-trends-2025>
- Thorhallsson, B. (2011). Domestic buffer versus external shelter: Viability of small states in the new globalised economy. *European Political Science*, 10(3), 324–336. <https://doi.org/10.1057/eps.2011.29>
- United Nations. (n.d.). *Officers: Intergovernmental Conference on Marine Biodiversity of Areas Beyond National Jurisdiction*. <https://www.un.org/bbnj/en/content/officers>
- Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Addison-Wesley.
- Wijaya, T., Liao, J. C., Baik, E., & Katada, S. N. (2025). Pivotal power of small states to save the international liberal economic order: The case from East Asia. *The Pacific Review*, 38(2), 285–316. <https://doi.org/10.1080/09512748.2024.2369700>
- Wong, L. (2025, April 16). *A safe harbour in a turbulent world* [Speech]. Ministry of Foreign Affairs Singapore. <https://www.mfa.gov.sg/newsroom/press-statements-transcripts-and-photos/s-rajaratnam-lecture-pm-wong-2025-16-apr-2025/>

Сведения об авторах:

Чиникеев Талгат Орынбасарович – PhD-докторант кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: talgatch@gmail.com).

Макашева Клара Налдибековна – д. и. н., профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: m.klara@mail.ru).

Information about the authors:

Talgat Chinikayev – PhD student, Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: talgatch@gmail.com).

Klara Makasheva – Doctor of Historical Sciences, professor, Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: m.klara@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Чиникеев Талгат Орынбасарович – халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының PhD докторанты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: talgatch@gmail.com).

Макашева Клара Налдибековна – т.ғ.д., халықаралық қатынастар және әлемдік экономика кафедрасының профессоры, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: m.klara@mail.ru).

Поступила 19 мая 2026 г.
Принята 24 августа 2026 г.